

УДК 159.923.2

DOI: 10.17223/17267080/58/10

О.И. Муравьева, С.А. Литвина, С.А. Богомаз

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Средовая идентичность: содержание понятия¹

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта 15-06-10803 «Психологические факторы средовой самоидентичности».

Целью настоящей статьи является обсуждение содержания понятия «средовая идентичность». Актуальность исследования определяется темпами и глобальностью социальных изменений, а также возможностью концептуализировать понятие «средовая идентичность» в русле современных подходов, связанных с переходом от структурного анализа к системному, ситуационному и динамическому. В статье показано, что принципиальными для определения содержания понятия «средовая идентичность» становятся следующие положения: 1) системообразующими характеристиками идентичности являются процессуально-динамические характеристики; 2) идентичность понимается как присущий человеку «процесс идентификации, обеспечивающий устойчивость (изменчивость и преемственность) Я в потоке перманентных трансформаций»; 3) рассмотрение средовой идентичности предполагает понимание среды как ментального пространства, описываемого через такие измерения, как место, время, ценности; 4) при этом «место» и «время» рассматриваются не через физические, но психологические характеристики.

Ключевые слова: *идентичность; социальная идентичность; средовая идентичность; идентичность с городом; среда; время; ценности.*

Целью настоящей статьи является обсуждение содержания понятия «средовая идентичность». Наша задача – ответить на два вопроса: каковы современные представления об идентичности и какое содержание появляется при конкретизации этого понятия через конструкт «среда».

Ведущий российский специалист в области социальной психологии личности Е.П. Белинская в одной из своих последних статей с весьма знаковым названием – «Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней?» (курсив наш. – О.М., С.Л., С.Б.) – констатирует, что проблематика идентичности сегодня является одной из «болевых точек» наук о человеке [1]. И связано это, прежде всего, с той центральной проблемой, которую конституирует понятие идентичности, – проблемой изменчивости / устойчивости. На повестку дня эту тему выводят не только радикальность политических и экономических изменений, но и стремительные тем-

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

пы и глобальные масштабы общественной динамики, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека. Повсеместное возрастание социальной вариативности, многообразие принципов организации социальных общностей, возникновение новых видов деятельности, социальных ролей, групповых норм и ценностей поставили перед человеком задачу постоянного социального и личностного самоопределения, поиска идентичности. Об этом в разных контекстах говорят все авторы (Г.М. Андреева, З. Бауман, Е.П. Белинская, Э. Гидденс, О.В. Лукьянов, О.А. Тихомандрицкая, Э. Тоффлер, А. Тэшфел, П. Штомпка, П.Н. Шихирев, А.В. Юревич, В.А. Ядов и др.). Особенно остро эта проблема и как научная, и как жизненная – социальная, экономическая и психологическая – встала в нашей стране в последние год-два в связи с особым модусом, характеризующим эти изменения у нас в стране: вошедший в противоречие с общемировыми тенденциями глобализации радикальный поворот к изоляционизму, «естественным» и необходимым образом актуализирующему очень специфически направленные поиски «своего пути» и «национальной идеи», прежде всего, как идеологического основания и обоснования для разделения на «воображаемое общее «мы» («русский мир»), противостоящее не менее абстрактному и воображаемому «они» («гейропе»))» [1. С. 12].

Обзревая современные исследования, можно выделить два основных направления в изучении этой проблемы. Первое связано с пристальным вниманием к самому феномену идентичности: ее психологической природе, качеству (статическое или динамическое образование), функциям. Второе – с трансформацией представлений об основаниях для идентификаций человека и смещением исследовательского фокуса с традиционно выделяемых видов социальной идентичности (гендерной, возрастной, этнической), определяемых принадлежностью человека к той или иной социальной макрогруппе, на принципиально иные – временные (темпоральные) и пространственные. То есть можно констатировать, что в целом изменяется подход к исследованию феномена: переход от структурного анализа к системному и ситуационному.

Первоначально термин «идентичность», как указывает И.С. Кон [2], появился в психиатрии в контексте исследования феномена «кризиса идентичности», которым описывалось состояние психических больных, потерявших представление о самих себе и последовательности событий своей жизни. То есть изначально понятие идентичности было введено в психиатрию, а затем и психологию как объяснительное понятие для фиксации устойчивости человеческого Я, соответствия человека самому себе во времени и пространстве. Именно такое понимание психологической природы идентичности сохранялось вплоть до конца XX в. Самый известный психолог, посвятивший себя изучению идентичности (Эго-идентичности), Э. Эриксон [3] не только поддерживал, но и усиливал критерий устойчивости в понимании феномена идентичности. По Э. Эриксону, обладать идентичностью – значит ощущать себя *неизменным* независимо от ситуации; ощущать связь собственной непрерывности и *признания* этой непрерывно-

сти другими людьми; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое, строить свой жизненный план, *сопротивляясь* настоящему на основе прошлого. Говоря о психологической природе и функциях идентичности, Э. Эриксон выделяет следующие ее аспекты.

«1. *Индивидуальность* – сознательное ощущение собственной уникальности и собственного отдельного существования.

2. *Тожественность и целостность* – ощущение внутренней тождественности, непрерывности между тем, чем человек был в прошлом и чем обещает стать в будущем; ощущение того, что жизнь имеет согласованность и смысл.

3. *Единство и синтез* – ощущение внутренней гармонии и единства, синтез образов себя и детских идентификаций в осмысленное целое, которое рождает ощущение гармонии.

4. *Социальная солидарность* – ощущение внутренней солидарности с идеалами общества и подгруппы в нем, ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для уважаемых данным человеком других людей и что она соответствует их ожиданиям и восприятию» (цит. по: [4]).

Перевод проблемы идентичности в область социальной психологии фокусирует ее в другом модусе – модусе изменчивости. Для социальной психологии «данная проблема в основном выступала двояко: во-первых, как множественность Я и, во-вторых, как потенциальность (вероятностность рефлексии) различных Я-структур» [1. С. 12]. Связана эта переориентация не просто с указанием на «социальное Я» как на один из аспектов Я (это было сделано еще У. Джеймсом, Ч. Кули и Дж.Г. Мидом), но и с отчетливым выделением двух самостоятельных структурных компонентов идентичности – личностной (персональной) и социальной (А. Тэшфел, Дж. Тернер). Благодаря этому в фокусе исследований оказались вопросы: 1) соотношения и взаимопереходов личностной и социальной идентичностей; 2) ситуационные и контекстуальные особенности проявления идентичности [1]; 3) особенности тех социальных групп или социальных реальностей, которые выступают основой для идентификаций и формирования идентичности.

Специфика подходов к решению этих вопросов была обусловлена не только социальными изменениями, но и сменой парадигмальных и методологических установок в науке вообще и в психологии в частности: на смену неклассической приходит постнеклассическая наука. Впрочем, очевидно, что эти изменения не являются независимыми друг от друга.

Явно артикулируемое понимание идентичности как процессуальной характеристики появляется в социальной психологии в середине 80-х гг. XX в. в работах А. Тэшфела и Дж. Тернера [5]. Они вводят конструкт «оптимума различимости», понимаемый как субъективно переживаемая «“оптимальность” в разрешении внутреннего конфликта между ощущением своей уникальности и чувством общности с Другими. Это задает множественность и неоднозначность соотношений персональной и социальной идентичностей, придавая балансу изменчивости / устойчивости Я-структур

процессуальность, превращая его в постоянное “балансирование”» [1. С. 12]. Это дало возможность и основания Дж. Тернеру [6] поставить под сомнение оппозицию «персональная идентичность – социальная идентичность». С его точки зрения, эти идентичности образуют континуум, один полюс которого образуют социальные нормы, а другой – система персональных ценностей. Социальные нормы обуславливают формирование и выбор тех или иных персональных ценностей, которые в свою очередь ориентируют человека в системе социальных требований. Этот ракурс рассмотрения проблемы поддерживает Г. Брейкуэлл [7], которая развивает так называемую процессуальную теорию идентичности, подчеркивая взаимосвязь когнитивных, эмоциональных и ценностных аспектов. Согласно Г. Брейкуэлл человек неизбежно находится в состоянии анализа, оценки, пересмотра социальной ситуации, себя в этой ситуации, своей позиции по отношению к ней, что создает подвижность персональных идентичностей. Он постоянно оценивает ценность элементов своей идентификационной системы с целью сохранения непрерывности, самобытности, самоэффективности и самоуважения.

Хотя в названных исследованиях предметный фокус удерживается на проблеме отношений социальной и персональной идентичности, в них уже подспудно содержится проблематика контекстуальности идентичности. Философской и методологической основой исследований, непосредственно связанных с ситуационными и контекстуальными особенностями проявления идентичности, является социальный конструкционизм, для которого характерно понимание идентичности не только как «незавершенного, но и принципиально незавершаемого “автопроекта”». То есть проблема переформулируется: в современном «множественном» мире надо говорить не о поисках идентичности, но о постоянно идущей идентификации человека: «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» [8. С. 192]. И в этом случае реальной психологической, личностной задачей современного человека становится выбор: строить ли свое Я «по образу и подобию» противоречивой и сегментированной повседневности или же создавать новые смыслы и новые социальные сети, становящиеся основой для самоидентичности [1. С. 12].

Другой исследователь проблемы идентичности, О.В. Лукьянов, также развивает идею процессуальности и контекстуальности идентичности [9, 10]. Во-первых, им вводится понятие «самоидентичность» (точнее, новая коннотация этого термина), категория, в которой преодолевается *оппозиция* «персональная идентичность – социальная идентичность»; во-вторых, проблема выводится в *процессуально-динамический* контекст; в-третьих, обосновывается понимание самоидентичности в качестве важнейшего условия *устойчивости* человека в *меняющемся* мире. Самоидентичность – это не особая психическая или личностная структура и не результат, достигаемый с ее помощью, но «непрерывно идущий процесс становления идентичности, сопровождающий саморазвитие человека как при-

сущий ему способ бытия. Саморазвитие выступает в качестве источника устойчивого существования человека во времени и пространстве, и такое определение релевантно целостному пониманию человека как открытой саморазвивающейся системы, способной порождать в этом развитии основания собственной устойчивости» [10. С. 9].

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что в решении первых двух вопросов – вопроса о соотношении персональной и социальной идентичностей и их взаимопереходах, а также вопроса о ситуационных и контекстуальных особенностях ее проявления – при всем различии частных и конкретизирующих положений наблюдается принципиальное единство.

Совершенно иначе обстоит дело при решении вопроса об особенностях тех социальных групп или социальных реальностей, которые выступают основой для самоидентификаций. Пожалуй, нет ни одной гуманитарной дисциплины (это и социология, и социальная философия, и политология, и история, и экономика, и гуманитарная география, и др.), которая не внесла бы свой вклад в изучение проблемы идентичности и не определила новые ее виды для исследования. «Классические» – гендерная, профессиональная, этническая – сменяются иногда частными, иногда маргинальными эмпирическими видами – средовой (environmental identity) [11, 4], топологической (topological identity) [12], территориальной [13, 14], городской (city identity, urban-related identity) [15–18], идентичностью с местом (place-identity, settlement identity) [19, 20], а также региональной [21], религиозной [22, 23], конфессиональной [24], локальной [25], приграничной [26], корпоративной [27], гражданской [23] и т.д.

И этому, как нам кажется, есть объяснения. Первое, скорее негативное, состоит в том, что первые два вопроса можно отнести к уровню фундаментальных проблем, которые требуют существенной теоретической проработки, за которую немногие исследователи и берутся. Третий же вопрос обладает явно выраженным прикладным значением, поскольку более всего отвечает на запросы из сфер политической, экологической, потребительской и т.п. практики, а в этих рамках зачастую и не требуется глубокой проработки проблемы. Другое обстоятельство, которое гораздо более существенно в контексте нашего исследования, заключается в том, что эта эмпирия отражает те конкретные общественные – социальные и социально-психологические – трансформации, которые и актуализируют проблему идентичности: размывание макрогрупповой идентичности и унификация культур, оседание идентичности в других социальных контекстах и измерениях. Как отмечает А.П. Назаретян, «этот процесс стимулируется рядом экономических, политических и технологических тенденций. Так, децентрализация и регионализация власти, образование хозяйственных блоков, объединяющих области разных стран, ведут к образованию «многосторонних сетей с изменчивой геометрией обязательств, ответственности, союзов и субординации» [29]. Смещение удельного веса товарной стоимости, а также разрушительного действия оружия с вещественной и энергетической к информационной составляющей превратит в анахронизм традиционные

формы государственных границ, таможен и армий. Кроме того, развитие компьютерных технологий изменяет конфигурацию человеческих контактов, что также может стать мощным импульсом для перехода к сетевой организации мирового сообщества... Все это компенсирует унификацию макрогрупповых культур ростом разнообразия микрогрупповых культур, складывающихся по убеждениям, интересам, наклонностям и настроениям. Последние составляют эволюционно высший ранг в структурной иерархии, поскольку формируются в неконфронтационной логике, остаются открытыми, легко переплетаются и тем самым увеличивают разнообразие культур и образов мира [Там же. С. 226–227].

Можно сказать, что интерес исследователей к разным видам идентичности, к проблеме ее изменчивости в эпоху постоянных социальных трансформаций позволяет выделить и различить «время» и «среду» как необходимые основания различных ее конфигураций [4].

Кроме того, выделение множества эмпирических видов идентичностей, появление новых терминов, их обозначающих, отражают не только логику социальных изменений, но и логику развития представлений о среде как совокупности условий и влияний, обеспечивающих человеку возможность тех или иных идентификаций. Среда выступает уже не только как предметно-пространственная, становятся актуальными и ценными такие нематериальные категории жилой среды, как дух места, аутентичность, традиции, причастность к месту, антропоморфность, идентичность, способность к саморазвитию и т.п. [30]. Любой фрагмент физического пространства, конкретный «архитектурный» объект понимается как переживаемый человеком в процессе взаимодействия с ним. Среда начинает рассматриваться как совокупность элементов окружения (архитектурно-пространственных, природных, социальных), *выделенных и освоенных* субъектом (индивидуальным или коллективным) в процессе жизнедеятельности таким образом, что они образуют с ним одно целое [31]. Само пространство рассматривается уже не столько как физический феномен, сколько как *психологический*, – пространство переживаний, самоопределения, целеполагания и т.д. Как отмечает О.И. Генисаретский [32], «стремление постичь окружение как одну из форм жизненного пространства человека привело к осознанию среды на принципиально ином уровне организации целостностей». В этом контексте деятельность человека понимается как определяющий фактор, связующий отдельные элементы среды в целостность, а формирование среды – как формирование образа жизни. Особенно эти тенденции прослеживаются в исследованиях городской среды и идентичности с городом. Среда города рассматривается как продукт активности особой социальной общности, которую можно назвать «горожане», и, по мнению D. Uzzell, E. Pol, D. Badenas [20], включает в себя субъективное восприятие города, оценку имеющихся в городе ресурсов, представления о нормативном образе жизни, являя собой, таким образом, социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый представителями городской общности. Устанавливается, кроме этого, что содержание ре-

презентации городской среды формируется преимущественно в пространстве потребностей и целей субъектов, адресованных среде. Так, например, в исследовании Д.Н. Сазонова [33] показано, что студентами городская среда воспринимается с точки зрения возможностей профессионального и личностного роста, наполненности значимыми событиями, досугом и общением.

Важным является оформление понимания природы социальной среды города как ценностно-смысловой: «Город как феномен обладает не только объективными характеристиками, но и интересубъективной значимостью и интенциональным смыслом. Чтобы понять поведение горожан, надо понять, представить себе, сконструировать тот континуум жизнедеятельности, в котором реально протекает их жизнь. Город – это предмет нашего сознания-о-нём и нашего отношения-к-нему» [34. С. 33]. Выразительна метафора городской среды, найденная В.Л. Глазычевым: «...городская среда – плотный сгусток непосредственных впечатлений и ментальных конструкций по их поводу» [35]. Аксиологический подход в современных исследованиях приводит к пониманию социокультурной среды города как формы бытия духовности, системы ценностей и культурных смыслов, в рамках которой функционирует местное сообщество, действуют социальные институты, форматирующие взаимодействие людей. Таким образом, формулируются идеи города как смыслового пространства [36], ценностно-смыслового пространства [14, 34, 37], пространства реализации целей [33], среды как ментального пространства [38].

Итак, если проследить развитие представлений о среде в современном научном дискурсе, можно отметить принципиальные изменения в ее понимании: на место трактовки среды как места обитания человека приходит видение ее как синтеза предметно-пространственной ситуации и человеческих действий, а затем и сложного социокультурного феномена, ценностного и смыслового пространства.

При обсуждении феномена городской среды также высказываются важные идеи о том, что ее репрезентации у жителей города связаны в том числе и со временем проживания в нем, опытом взаимодействия с городской средой [16, 37]. Исследователи констатируют, что существует общность оценок, представлений, суждений, установок людей, объединенных городским пространством и определенным историческим периодом. Однако подчеркнем, что время рассматривается в этих исследованиях прежде всего и преимущественно через его физические (линейные) характеристики: количество лет проживания в городе, постоянство пребывания и т.п. Принципиально новый разворот в понимании времени сформулирован в процессуально-динамической теории самоидентичности (транстемпоральном подходе) О.В. Лукьянова [9, 10]. В качестве центрального объяснительного понятия вводится понятие «транстемпоральность», которое указывает на эффект «перекрытия», взаимной вложенности времен (множественности смыслов прошлого, настоящего и будущего)», а самоидентичность есть не что иное, как проявление эффекта транстемпоральности: че-

ловек определенным образом предуготовлен к будущему его присутствием в настоящем [39–41]. «Транстемпоральность выступает как процесс согласования времен. Их «симфонизация» отражает индивидуальные особенности становления идентичности в ее процессуально-динамической форме. При этом присутствие будущего в настоящем не есть некая «диффузная» абстракция: саморазвитие опирается на параметры порядка следования, которые само же и создает в виде динамических ценностно-смысловых измерений жизненного пространства человека» [10. С. 11].

Таким образом, опираясь на изложенные выше современные идеи, можно утверждать, что принципиальными для определения содержания понятия «средовая идентичность» становятся следующие положения:

1) системообразующими характеристиками идентичности являются процессуально-динамические характеристики;

2) идентичность понимается как присущий человеку «процесс идентификации, обеспечивающий устойчивость (изменчивость и преемственность) Я в потоке перманентных трансформаций» [10. С. 52];

3) рассмотрение средовой идентичности предполагает понимание среды как ментального пространства, описываемого через такие измерения, как место, время, ценности;

4) «место» и «время» рассматриваются не через физические, но психологические характеристики.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.09.2015).
2. *Кон И.С.* Социологическая психология. Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.
3. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб. ; М. : Летний сад, 1996. 592 с.
4. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.10.2015).
5. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / eds. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago : Nelson Hall, 1986. P. 7–24.
6. *Turner J.* Self and collective: cognition and social context // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. № 20 (5). P. 454–463.
7. *Breakwell G.M.* Resisting representations and identity processes // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 6.1–6.11.
8. *Байман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
9. *Лукьянов О.В.* Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 212 с.
10. *Лукьянов О.В.* Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире : дис. ... д-ра психол. наук. Томск : Томский государственный университет, 2009. 289 с.
11. *Dono J., Webb J., Richardson B.* The relationship between environmental activism, pro-environmental behavior and social identity // Journal of Environmental Psychology. 2010. Vol. 30. P. 178–186.

12. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 119 с. URL: http://www.humanpsy.ru/miklyueva/soc_ident_02 (дата обращения: 05.10.2015).
13. Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism. L. : Sage, 1982. 438 p.
14. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–106.
15. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
16. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12 (4), Dec. P. 285–303.
17. Valera S., Guardia J. Urban Social Identity and Sustainability. Barcelona's Olympic Village // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 81–96.
18. Pol E., Castrechini A. City-Identity-Sustainability Research Network. Final Words // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 150–160.
19. Twigger-Ross C.L., Uzzell D. Place and identity processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. P. 205–220.
20. Uzzell D., Pol E., Badenas D. Place Identification, Social Cohesion, and Environmental Sustainability // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34, № 1. January. P. 26–53.
21. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : дис. ... канд. полит. наук. Пермь : Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УРО РАН, 2009. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/regionalnaja-identichnost-v-sovremennoj-rossii-tipologicheskij-analiz.html> (дата обращения: 06.10.2015).
22. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Изд-во ИКАР, 2014. 356 с.
23. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2006. 327 с.
24. Федосова Е.В. Конфессиональная идентичность и религиозные установки молодежи Северной Осетии: взгляд социолога // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48). С. 86–91.
25. Назукина М.В. Локальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. Т. 1 : Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 140–143.
26. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования (СОЦИС). 2003. № 7. С. 77–84.
27. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов : учеб. пособие. М. : Изд-во ИКАР, 2004. 224 с.
28. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
29. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М. : ЛЕНАНД, 2015. 256 с.
30. Аракелян Р.Г. Повышение качества жилой среды с учетом ценностей традиционных жилых образований (на примере территории Армянского нагорья) : дис. ... канд. архитектуры. М. : Моск. архитектурный институт, 2011. 179 с.
31. Каганов Г.З. Санкт-Петербург: Образы пространства. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 232 с.
32. Генисаретский О.И. Средовой подход в дизайне и архитектуре: содержание и основные моменты. URL: <http://prometa.ru/olegen/6/0/> (дата обращения: 17.10.2015).

33. Сазонов Д.Н. Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города : дис. ... канд. психол. наук. Белгород : Белгородский государственный университет, 2009. 187 с.
34. Пирогов С.В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–37.
35. Глазачев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М. : Наука, 1984. 180 с. URL: http://www.glazachev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog.htm (дата обращения: 09.10.2015).
36. Stokols D., Shumaker S.A. People in places: A transactional view of settings // Cognition, Social Behavior, and the Environment / ed. by J.H. Harvey. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1981. P. 441–488.
37. Пидодня Ю.А. Образ города в рамках социальной психологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. Вып. № 1. С. 86–87. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goroda-v-ramkah-sotsialnoy-psihologii#ixzz3oog2WSVa> (дата обращения: 10.10.2015).
38. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–337.
39. Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 86–90.
40. Лукьянов О.В. Идентичность – элемент транстемпорального мира и фронт экзистенциального опыта // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 31–35.
41. Лукьянов О.В. Тенденции понимания личностной идентичности в системно-антропологическом ракурсе // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 18–23.

Статья поступила 16.09.2015 г.; принята 21.10.2015

Сведения об авторах:

МУРАВЬЕВА Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: muravey59@mail.ru

ЛИТВИНА Светлана Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: litvina65@mail.ru

БОГОМАЗ Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: bogomazsa@mail.ru

ENVIRONMENTAL IDENTITY: THE CONCEPT CONTENT

Siberian journal of psychology, 2015, 58, 136–148. DOI: 10.17223/17267080/58/10

Muravyova Olga I., Litvina Svetlana A., Bogomaz Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: muravey59@mail.ru; bogomazsa@mail.ru; litvina65@mail.ru

Keywords: identity, social identity, environmental identity, city identity, environment, time, values.

The purpose of this paper is to discuss the content of the environmental identity concept. Our objective is to answer the following two questions: What are the current views on identity? and What content emerges when this concept is concretized via the idea of environment?

The up-to-date studies on identity issues have been focused on: 1) the ratio and the interplay of personal and social identities; 2) situational and contextual features of identity; 3) specific social groups or social realities being the basis for identification and identity formation. It can be stated that there has been a change in the approach to exploring the phenomenon in question, namely transition to the systems approach as well as situational and dynamic one. The key aspect in studying identity is concerned with the category of time. Identity is considered as a transtemporality effect, i.e. as a process of time sequence.

Analysis of the studies on identity connected with environmental issues has revealed a variety of empirical types of identity and a number of terms used (environmental identity, topological identity, city identity, place-identity, settlement identity, etc). For the sake of understanding the content of the environmental identity concept, it is important to highlight changes in the views on identity in the modern scientific discourse. Instead of interpreting environment as a place for one's living, specialists are focusing on considering it as a synthesis of an object-spatial situation and human activity, a complex sociocultural phenomenon, a valuable and meaningful space.

Thus, the following principles are becoming essentially important for determining the content of the concept of environmental identity:

1. The system-level characteristics of identity are process-dynamic ones.
2. Identity is interpreted as a human inherent process of identification ensuring one's self resilience (changeability and continuity) in a flux of permanent transformations.
3. Environmental identity is supposed to be understood as a mental space being described in terms of space, time and values.
4. Accordingly, space and time are considered as psychological parameters.

References

1. Belinskaya, E.P. (2015) The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 8(40). p. 12. [Online] Available from: <http://psystudy.ru> (Accessed: 12th September 2015). (In Russian).
2. Kon, I.S. (1999) *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological psychology]. Moscow: Moscow Psycho-Social Institute; Voronezh: MODEK.
3. Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English by A.A. Alekseev. St. Petersburg, Moscow: Letniy sad.
4. Andreeva, G.M. (2011) Towards the problem of identity crisis amid the social transformations. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 6(20). p. 1. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 3rd October 2015). (In Russian).
5. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel, S. & Austin, W.G. (1986) *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall. pp. 7-24.
6. Turner, J., Oakes, P.J., Haslam, A. & McGarty, C. (1994) Self and collective: cognition and social context. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 20(5). pp. 454-463. DOI: 10.1177/0146167294205002
7. Breakwell, G.M. (2010) Resisting representations and identity processes. *Papers on Social Representations*. 19. pp. 6.1-6.11. DOI: 10.1002/wcc.74
8. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos.
9. Luk'yanov, O.V. (2008) *Problema stanovleniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmeneniy* [The problem of identity formation in the era of social change]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Luk'yanov, O.V. (2009) *Samoidentichnost' kak uslovie ustoychivosti cheloveka v menyayushchemsya mire* [Self-identification as a condition of human stability in a changing world]. Psychology Doc. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

11. Dono, J., Webb, J. & Richardson, B. (2010) The relationship between environmental activism. Pro-environmental behavior and social identity. *Journal of Environmental Psychology*. 30. pp. 178-186. DOI: 10.1016/j.jenvp.2009.11.006
12. Miklyaeva, A.V. & Rumyantseva, P.V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social identity of the person: content, structure, mechanisms of formation]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. [Online] Available from: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02. (Accessed: 5th October 2015).
13. Rokkan, S. & Urwin, D. (1982) *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. London: Sage.
14. Samoshkina, I.S. (2008) Territorial'naya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Territorial identity as a social-psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 99-106.
15. Linch, K. (1982) *Obraz goroda* [Image of the city]. Moscow: Stroyizdat.
16. Lalli, M. (1992) Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*. 12 (4). pp. 285-303. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80078-7
17. Valera, S. & Guardia, J. (2002) Urban Social Identity and Sustainability. Barcelona's Olympic Village. *Environment and Behavior*. 34. pp. 81-96. DOI: 10.1177/0013916502034001004
18. Pol, E. & Castrechini, A. (2002) City-Identity-Sustainability Research Network. Final Words. *Environment and behavior*. 34. pp. 150-160. DOI: 10.1177/0013916502034001011
19. Twigger-Ross, S.L. & Uzzell, D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*. 16. pp. 205-220. DOI: 10.1006/jenvp.1996.0017
20. Uzzell, D., Pol, E. & Badenas, D. (2002) Place Identification, Social Cohesion, and Environmental Sustainability. *Environment and Behavior*. 34(1). pp. 26-53. DOI: 10.1177/0013916502034001003
21. Nazukina, M.V. (2009) *Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskii analiz* [Regional identity in modern Russia: a typological analysis]. Political Science Cand. Diss. Perm. [Online] Available from: <http://www.dslib.net/polit-instituty/regionalnaya-identichnost-v-sovremennoj-rossii-tipologicheskij-analiz.html>. (Accessed: 6th October 2015).
22. Krylov, A.N. (2014) *Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve* [Religious identity. Individual and collective self-consciousness in post-industrial society]. 3rd ed. Moscow: IKAR.
23. Magun, V.S. (ed.) (2006) *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civil, ethnic and religious identity in modern Russia]. Moscow: Institute of Sociology RAS.
24. Fedosova, E.V. (2013) Confessional identity and religious attitudes of young people of North Ossetia: view of a sociologist. *Izvestiya SOIGSI*. 9(48). pp. 86-91. (In Russian).
25. Nazukina, M.V. (2011) Lokal'naya identichnost' [The local identity]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t.* [Political identity and the policy of identity: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya ROSSPEN. pp. 140-143.
26. Kuveneva, T.N. & Manakov, A.G. (2003) Formirovanie prostranstvennykh identichnostey v porubezhnom regione [Formation of spatial identities in the frontier region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya (SOTsIS) – Sociological Studies*. 7. pp. 77-84.
27. Krylov, A.N. (2004) *Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov* [Corporate identity for managers and marketing managers]. Moscow: IKAR.
28. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics.

29. Nazaretyan, A.P. (2015) *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii* [The anthropology of violence and the culture of self-organization: Essays on the evolutionary and historical psychology]. Moscow: LENAND.
30. Arakelyan, R.G. (2011) *Povyshenie kachestv zhiloy sredy s uchetom tsennostey traditsionnykh zhilykh obrazovaniy (na primere territorii Armyanskogo nagor'ya)* [Improving the quality of the living environment, taking into account the traditional values of residential structures (a case study of the Armenian Highland)]. Architecture Cand. Diss. Moscow.
31. Kaganov, G.Z. (2004) *Sankt-Peterburg: Obrazy prostranstva* [St. Petersburg: The images of environment]. 2nd ed. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ.
32. Genisaretskiy, O.I. (n.d.) *Sredovoy podkhod v dizayne i arkhitekture: sodержание i osnovnye moment* [Environmental approach in design and architecture: the content and highlights]. [Online] Available from: <http://prometa.ru/olegen/6/0/>. (Accessed: 17th October 2015).
33. Sazonov, D.N. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti reprezentatsii gorodskoy prostranstvenno-predmetnoy sredy u zhitel'ey goroda* [Social-psychological features of representation of urban spatial-object environment among the residents of the city]. Psychology Cand. Diss. Belgorod.
34. Pirogov, S.V. (2011) City as the phenomenon of culture: Cognitive approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk state university Journal of Cultural Studies and Art History*. 2. pp. 31-37. (In Russian).
35. Glazychev, V.L. (1984) *Sotsial'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoy sredy* [Socio-ecological interpretation of the urban environment]. Moscow: Nauka.
36. Stokols, D. & Shumaker, S.A. (1981) People in places: A transactional view of settings. In: Harvey, J.H. (ed.) *Cognition, Social Behavior, and the Environment*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 441-488.
37. Pidodnya, Yu.A. (2010) *Obraz goroda v ramkakh sotsial'noy psikhologii* [The image of the city as part of social psychology]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 1. pp. 86-87. [Online] Available form: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goroda-v-ramkah-sotsialnoy-psihologii#ixzz3oog2WSVa>. (Accessed: 10th October 2015).
38. Klochko, V.E. & Luk'yanov, O.V. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333-337. (In Russian).
39. Luk'yanov, O.V. (2005) Transtemporal aspect of social and psychological experience. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 22. pp. 86-90. (In Russian).
40. Luk'yanov, O.V. (2007) Identity as an element of transtemporal world and the front of existential experience. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 26. pp. 31-35. (In Russian).
41. Luk'yanov, O.V. (2009) Tendencies of personality identity interpretation in anthropological approach. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 34. pp. 18-23. (In Russian).

Received 16.09.2015;

Accepted 21.10.2015